

УДК 347.63

И.В. Савина, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь

СДЕЛКОСПОСОБНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ

Путем анализа и обобщений результатов различных теоретических исследований изучены сделкоспособность, основная правовая категория, характеризующая правовой статус несовершеннолетних, ее концепция, развитие и содержание, что позволило сделать теоретические выводы и сформулировать предложения.

By analysis and generalizations of the results of various theoretical studies capacity to deal, basis legal category of minors' civil status, its concept, genesis, content is investigated to present theoretical findings and to formulate some proposals.

Развитие гражданского законодательства, усиление интереса к правам детей, в том числе со стороны государства, обуславливают необходимость исследования сущности и содержания категорий, определяющих гражданско-правовой статус ребенка. Рассмотрение их соотношения позволит выявить проблемы в сфере правового регулирования статуса несовершеннолетних, наметить пути их решения.

На основе анализа гражданско-правовых норм и научной литературы можно назвать несколько таких правовых категорий: «правоспособность», «дееспособность», «правосубъектность», «транздееспособность», «субъективное право», «интерес», «деликтоспособность».

Наряду с категориями «правоспособность» и «дееспособность», которым даны легальные определения в ст. 16 и 20 ГК правовой статус несовершеннолетних характеризуется и такой категорией, как «сделкоспособность».

Сделкоспособность несовершеннолетних означает их способность совершать и исполнять сделки в пределах, определенных законодательством.

Применительно к данной категории справедливо отмечалось, что теоретическое осмысление ее проблем может послужить для законодателя основой формирования конкретных норм, обеспечивающих защиту прав и интересов несовершеннолетних. Предлагается выделить основную (способность совершать и исполнять сделки в отношении себя лично) и вспомогательную (в отношении других лиц) сделкоспособность, подчеркивается значимость данного деления для выявления специфики сделкоспособности малолетних [4, с. 10, 12]. Применение критериев «полнота» и «неполнота» положено в основу разделения сделкоспособности на частичную (малолетних с 6 до 14 лет), неполную (с 14 до 18 лет), полную (несовершеннолетних). В белорусском законодательстве нет нижнего предела, как в РФ, что в отношении детей 3–5 лет вполне оправданно, но сделкоспособность у годовалого ребенка явно отсутствует.

Следует отметить тесную взаимосвязь рассматриваемой категории с категорией «дееспособность». По сути сделкоспособность является составляющей частью дееспособности. Например, С.В. Осипова рассматривает основания приобретения полной дееспособности через призму сделкоспособности [4, с. 10].

Характерной чертой сделкоспособности является зависимость объема предоставляемых несовершеннолетнему прав от возраста, сущности обязательства и источника получения средств, а также зависимость от действий законных представителей, что объясняется необходимостью дополнительной правовой защиты несовершеннолетнего от недобросовестных действий других лиц и последствий его собственной социальной незрелости.

Согласно п. 2 ст. 27 ГК несовершеннолетние в возрасте до 14 лет вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки; сделки, направленные на безвозмездное получение выгод, не требующие нотариального удостоверения или оформления либо государственной регистрации; сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или свободного распоряжения. Однако закон не содержит определения суммы, которая считается мелкой, что может привести к практическим проблемам, особенно при заключении сделок в розничной торговле.

Достижение ребенком указанного в законе возраста далеко не всегда свидетельствует о наличии у него предполагаемого законодателем уровня развития интеллектуально-волевой сферы, необходимого для его адекватной социализации, в современном обществе наблюдается две противоположные тенденции: высокая степень гражданской активности несовершеннолетнего либо социальный инфантилизм – особый психологический феномен, имеющий и граждан-

данско-правовые аспекты. В частности, у таких детей не формируется комплекс представлений, необходимых для нормального участия в гражданском обороте [3, с. 38]. Причем изменения гражданского законодательства в основном учитывают только первую тенденцию: происходит постепенное расширение содержания объема прав несовершеннолетнего, прежде всего в отношении совершения сделок, в современном гражданском законодательстве по мере его совершенствования.

Следует отметить и снижение возраста, с которым закон связывает наступление определенных этапов зрелости человека: в современном гражданском праве объем дееспособности ребенка качественно меняется в 14 лет. Для сравнения – в ГК 1964 г. это было в 15 лет, а в до-революционном законодательстве право на полное распоряжение имуществом и свобода вступить в общества приобреталась не прежде как по достижении 21 года.

Хотя русское право не знало эмансипации, но взамен оно устанавливало «постепенное расширение дееспособности» и различие между малолетними (до 17 лет) и несовершеннолетними (до 21 года), причем сделкоспособность возникала с 17 лет [6, с. 58]. Представляется заслуживающим внимания предложение о необходимости сочетать установление единой возрастной границы с возможностью отступления от нее с учетом обстоятельств дела, учитывая возрастные особенности развития несовершеннолетнего. Единственным случаем, когда такой учет может иметь место – при ограничении или лишении несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией или иными доходами, за исключением случаев, когда несовершеннолетний приобрел полную дееспособность в связи со вступлением в брак до достижения 18 лет или был эмансипирован.

Законом определены также некоторые обязательства, участником которых могут быть только совершеннолетние граждане, например кредитный договор, завещание.

Совершая сделку с несовершеннолетним, независимо от его возраста следует выяснить, необходимо ли получение согласия законных представителей, а также органов опеки и попечительства, и учесть, что за малолетних сделки могут совершать от их имени только их законные представители – родители, усыновители или опекуны. Необходимость выяснения и учета указанных обстоятельств не только характеризует сделкоспособность несовершеннолетних, но и возлагает дополнительные риски на совершающего такую сделку, поскольку она может быть признана недействительной согласно ст. 173 и 176 ГК.

Причем если сделка, совершенная несовершеннолетним, не достигшим 14 лет (малолетним), ничтожна и может быть признана судом действительной, если она совершена к выгоде малолетнего, то сделка, совершенная несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет, может быть признана судом недействительной.

Современное гражданское законодательство идет по пути максимальной детализации прав несовершеннолетних, что совершенно оправданно ввиду их социальной незрелости и потребности в дополнительной защите.

Однако, несмотря на наличие регламентации в гражданском законодательстве, содержание сделкоспособности вызывает споры. Например, п. 2 ст. 25 ГК предоставляет право несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно, без согласия своих законных представителей распоряжаться своими заработком, стипендией и иными собственными доходами. Предлагается конкретизировать, о каких видах иных собственных доходов, которыми может свободно распорядиться несовершеннолетний с 14 до 18 лет, идет речь [4, с. 19].

Применительно к эмансипации несовершеннолетних Т.Д. Трамбачева предложила включить в условия эмансипации любую законную деятельность, приносящую постоянный доход, в частности доходы от заключения гражданско-правовых договоров, принадлежащих несовершеннолетнему имущества, акций, получаемых гонораров, авторского вознаграждения [5, с. 15–16]. Думается, приведенные примеры могли бы быть использованы для конкретизации указанного перечня.

Явно требует детализации понятие мелкой бытовой сделки. В гражданском законодательстве определения мелкой бытовой сделки нет. В науке гражданского права под мелкой бытовой сделкой понимают сделку на незначительную сумму, направленную на удовлетворение потребностей несовершеннолетнего и исполняемую в момент заключения.

Справедливо указывалось, что сложно бывает продавцу отличить малолетнего покупателя от несовершеннолетнего и вряд ли можно возложить на продавца магазина обязанность точно

определить возраст покупателя, а также установить, имеет ли несовершеннолетний право на совершение сделки, покупает ли он товар на свою заработную плату либо на деньги, подаренные, например, родственниками. Однако это не должно повлечь расширение в законе круга сделок, которые вправе совершать несовершеннолетние без согласия своих законных представителей, самостоятельно [1, с. 37]. Если с приведенными рассуждениями сложно не согласиться, то сделанный вывод представляется не столь однозначным. С течением времени объем прав несовершеннолетних постепенно расширяется. Фактически при совершении договора розничной купли-продажи право несовершеннолетнего совершить сделку презюмируется, исключение составляет продажа спиртных напитков и табачных изделий.

Учитывая особый механизм совершения сделки с участием несовершеннолетнего, представляется необходимым исследовать правовую природу согласия родителей, усыновителей, опекунов, попечителей на совершение сделки несовершеннолетним, а также правовой статус и круг лиц, представляющих интересы несовершеннолетнего.

Нельзя согласиться с Л.Г. Кузнецовой, утверждающей, что нет оснований считать несовершеннолетнего способным распоряжаться еще не полученным заработком или стипендией при совершении сделок с другими лицами, так как он не обладает необходимым жизненным опытом [1, с. 22]: во-первых, такого запрета нет в законодательстве, во-вторых, опыт человека обычно прямо пропорционален сумме его заработка. Однако указанное не относится к кредитам – по кредитному договору кредитор обязан выплачивать проценты, тем самым распоряжаясь еще не полученными и не заработанными средствами. Распоряжение зарплатой или стипендией не следует отождествлять с актами по распоряжению имуществом, приобретенным на указанные средства. С.В. Осипова доказывает, что право самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами включает право распоряжаться как полученными, так и будущими доходами, а также имуществом, полученным за счет этих доходов [4, с. 12]. Понятно, что выяснение в каждом конкретном случае происхождения вещи, продаваемой несовершеннолетним, было бы сложным для заключающего сделку, однако запрет на распоряжение такими вещами сводит на нет само полномочие распоряжения своим заработком и фактически приводит к тому, что несовершеннолетнему все равно понадобится согласие родителей, пусть и позднее. Явно требуется конкретизация этого права в ГК.

Сделкоспособность предполагает не только осознание сути и последствий совершаемой сделки, но и способность исполнить ее. Следовательно содержание сделкоспособности составляют лишь те сделки, которые несовершеннолетний совершает сам, от своего имени. Сделки, совершаемые законными представителями малолетнего в его интересах, составляют содержание их сделкоспособности. Совершая сделки от имени малолетнего, родители и опекуны самостоятельно проявляют свою волю, как бы полностью заменяя подопечного [1, с. 27]. С.В. Осипова отмечает особенность сделкоспособности законных представителей – целевую направленность их действий: они осуществляются в интересах других лиц – малолетних, однако их не следует рассматривать как сделки в пользу третьего лица [4, с. 15].

Т.В. Лобанова справедливо указывает на необходимость детализации конкретных прав ребенка, приводя в качестве примера употребление спиртных напитков и просмотр видео [2, с. 12]. На наш взгляд, такая детализация требуется и тогда, когда речь идет о гражданских правах, например, явно требует детализации понятие мелкой бытовой сделки и суммы такой сделки.

Думается, стоило бы конкретизировать в законе имеет ли право несовершеннолетний с 14 до 18 лет распоряжаться вещами, приобретенными за счет своего заработка, в том числе еще не полученного, например при покупке товаров в кредит, и учесть практику, фактически сложившуюся в банках, ограничив возможность получения кредита не только несовершеннолетними, но и совершеннолетними до 21 года.

Необходимо исследование и механизма совершения сделок несовершеннолетними с учетом современных условий их жизни. Требуется дальнейшая детализация имущественных прав несовершеннолетнего при совершении им отдельных сделок, терминологии, принятой в данной сфере.

Библиографические ссылки

1. Кузнецова Л.Г. Гражданско-правовое положение несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1968.
2. Лобанова Т.В. Правовое положение ребенка в России и Великобритании (Англии): теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Волгоград, 2006.

3. Михайлова И.А. Гражданская правосубъектность физических лиц: проблемы законодательства, теории и практики : автореф. дис. ... доктора юрид. наук : 12.00.03. М., 2001.

4. Осипова С.В. Сделкоспособность несовершеннолетних в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Волгоград, 2007.

5. Трамбачева Т.Д. Эмансипация несовершеннолетних в гражданском праве Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Минск, 2009.

6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Казань, 1894.

Дата поступления в редакцию: 23.05.2011

УДК 368.86.042:656.052:340(476)(091)

И.В. Цырусь, аспирант Академии управления при Президенте Республики Беларусь

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В исторической ретроспективе анализируется развитие законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств в Республике Беларусь, выделяются основные этапы этого процесса и определяются дальнейшие перспективы его развития.

The history of legislation development of the compulsory civil liability insurance of the owners of vehicles in Belarus is analyzed in the article. The author allocates the basic stages of legislation development and determines its further development prospects.

Страхование в Беларуси как институт гражданского права находится в постоянном развитии, направления которого определяются нашим суверенным государством самостоятельно. Обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – ОСГОВТС) введено в республике с целью обеспечения защиты интересов участников дорожного движения и реализации права потерпевших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу в результате дорожно-транспортных происшествий (ДТП). Постоянное совершенствование правового регулирования страховых отношений в целом и ОСГОВТС в частности направлено на расширение возможностей для реализации прав участников страховых правоотношений и обеспечение более качественного регулирования института страхования. Однако это невозможно без изучения и теоретического осмысления законодательных и иных актов, принятых в результате становления и развития ОСГОВТС в Республике Беларусь.

Необходимо отметить, что институт страхования в советской и российской правовой доктрине был объектом исследования многих ученых: В.Ю. Абрамова, М.И. Брагинского, В.Р. Идельсона, В.И. Серебровского, И.И. Степанова, К.Е. Турбиной, Ю.Б. Фогельсона, А.И. Худякова. Среди белорусских ученых-юристов, исследовавших институт страхования, можно отметить В.Ф. Чигира, М.Н. Шимкович, Н.В. Кудрявцева и др. ОСГОВТС исследовали Т.М. Рассолова, А.М. Лавров, Н.М. Копылкова, Е.П. Долгополова и другие авторы. К вопросу правового регулирования ОСГОВТС в Республике Беларусь обращались П.М. Кучерин, А.С. Рогачевский, А.П. Авсейко, О.И. Соколова, а вопросы применения конкретных правовых норм затрагивали Т. Беляева, В. Молчан, А. Целуйко, А. Плотников.

Вместе с тем вопросы генезиса ОСГОВТС в Беларуси не получили должного освещения в отечественной научной литературе. Мы ставим целью исследовать развитие законодательства об ОСГОВТС в Республике Беларусь, выделить основные этапы этого процесса и определить дальнейшие перспективы его развития.

Рассматривая становление института страхования, необходимо отметить, что введению ОСГОВТС предшествовал начавшийся в 1960-х гг. длительный путь обоснования в правовой и экономической науке необходимости, целесообразности и социальной значимости такого страхования [8, с. 55]. В то время шел процесс принятия законов об обязательном страховании автогражданской ответственности в Европе. В национальном законодательстве в рамках советского периода становления института страхования имели место две неудачные попытки принятия в СССР закона об ОСГОВТС, на что справедливо указывается в юридической литературе [2, с. 31]. Инициаторами его введения были С. Артемьев, Д. Половинчак, Н. Малеин и др.